

ОЧЕРКИ, ЭССЕ, ЗАРИСОВКИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.5nr6-ch35

EDN: YBYBDQ

УДК 316.6

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ ЩЁЛКИН

*Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
Санкт-Петербург, Россия*

ЛЮБОВЬ И ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ К НЕЙ: ПОДЛИННОСТЬ И МНИМОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИНТИМНОСТИ*

Но если и музыка нас оставит,
что будет тогда с нашим миром?
Н. Гоголь

Аннотация. Препятствия и помехи, мешающие человеческой любви реализоваться, могут быть как внешнего, так и внутреннего порядка. В первом случае это причины социальные, политические, экономические, религиозные и даже идеологические. Второй случай — это когда люди сами добровольно отказываются от любовной практики. Примером могут служить «асексуалы», принадлежащие к поколению зумеров. Бегство от романтической любви сопровождается эгоистическим равнодушием к публичной стороне жизни. Сосредоточенность на собственном «Я» принимает масштабы «эпидемии нарциссизма». В этой атмосфере любовь деградирует до сексуальной неприхотливости и избалованности: использование сексуальных роботов беспрецедентно выросло. В статье анализируется та экзистенциальная цена, которую человек платит за утрату своей «непосредственности» и «субъектности» на поприще «электронного интима». Вместе с тем автор обращает внимание на рост озабоченности и тревоги у социологов по поводу симптомов утраты «культы любви», роста психологии нарциссизма и политики противоядия этому тренду.

Ключевые слова: любовь, романтическая любовь, асексуалы, нарциссизм, «электронный секс»

---

* Статья продолжает тему. Начало см.: *Щелкин, А. Г.* Любовь. Социологическое эссе по поводу того, как «любовь победила брак» / А. Г. Щелкин // *Петербургская социология сегодня.* — 2025. — № 30. — С. 78–98. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-30.zecd-et62. — EDN HACZXV.

Ссылка для цитирования: Щёлкин А. Г. Любовь и препятствия на пути к ней: подлинность и мнимость человеческой интимности // Петербургская социология сегодня. — 2026. — Т. 18, № 1. — С. 96–114. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.5nr6-ch35; EDN: YBYBDQ

Введение

Казалось бы, в обществе «современного типа» с любовью все не так уж и плохо. После длительного исторического периода начинает доминировать мотив «романтической» любви. Это видно уже из массы социологических опросов. Молодые люди называют желание иметь в брачном союзе как раз именно этот тип «романтической» любви. В предыдущей статье, однако, автору, чтобы быть поближе к истине, пришлось сразу же оговориться. «Было бы наивно представлять этот пейзаж романтической любви в современном обществе как ее “триумфальное шествие”». В самом деле, у «романтической любви много старых и новых помех или скептиков, если хотите».

1

Самое простое, что приходит на ум, когда начинают говорить о «препятствиях», на которые обречена любовь, — это *препятствия*, так сказать, «*внешнего порядка*» — социальные, политические, экономические, религиозные и даже идеологические.

У Шекспир рассказал нам о том, как вражда двух крупных семейных кланов подвергла смертельному испытанию нежные порывы двух юных отпрысков.

О том, что власть пытается управлять подданными через их сексуально-интимные практики, — на этом относительно недавно настаивал М. Фуко [1].

Материальная нужда убивает любовь на корню. А. Солженицын на вопрос, зачем русские люди вступали в брак, ответил словами отечественных пословиц, отражающих реальность подавляющего населения крестьянской России: «*Для щей люди женятся, для мяса замужь идутъ*».

В любви, если любовь обменивается на любовь, то это и счастье. В браке — другие обмены. Брак может длиться и не за счет продолжительности любви. Горючего материала первоначальной любви может и не хватить для счастливого брака. И тогда эта любовь в дебюте брачного союза может поменяться на удручающую рутину каждодневного существования и, хуже того, на его бессмысленность. Не нашедший счастья в браке князь Андрей Болконский дает совет Пьеру Безухову

в духе уже упоминавшийся русской пословицы: «Женись за день до смерти — наживешься». В малоприглядной «несовместимости» брака с любовью итальянский фольклор отличился еще более впечатляющим «открытием»: “Il matrimonio è la tomba dell’amore”. Брак — это могила любви. На резюмирующий «пафос» могло бы претендовать, конечно, и наставление Сократа: «Женись, не женись — все кончается одним: разочарованием».

Отметилась своим «эмбарго» на человеческую, земную любовь и церковь, особенно в период своего римско-католического всемогущества. П. Абеляр в «Истории моих бедствий» поведал, каким изуверским истязаниям он был подвергнут средневековой церковью за свою любовь к Элоизе.

Даже высшая королевская (царская) власть не гарантировала представителю правящей династии свободного выбора брачного партнера. Выбор должен быть сделан из числа правящего или аристократического рода. Брак с человеком из простонародья назывался морганатическим и лишал династическую особу важнейшей привилегии — наследовать власть.

Любовь знала и абсурдные препятствия «идейно-политического» толка. Фр. Ницше иронизировал в своей издевательской манере над теми социально-недовольными «протестантами», тогдашними «социалистами», которые, по его мнению, требовали сделать «доступными всем, в том числе и трусам, все хорошие вещи — честь, богатство, красивых женщин». И в чем-то этот неумный критик современных ему веяний оказался не совсем уж и неправ. Известно, что с сексуальностью произвольно экспериментировала коммунистическая практика в середине двадцатых годов в послереволюционной России. Как пишут исследователи этого «сюжета», «первые годы после победы большевистской революции характеризовались невероятной даже по сегодняшним меркам свободой нравов. Сексуальная революция 60-х — бледный отсвет того пожара, что разгорелся на просторах весьма пуританской до той поры Российской империи. Сексуальная свобода была ключом... И некоторых товарищей заносило очень конкретно. [...] Нынешняя мораль нашей молодежи в кратком изложении состоит в следующем, — подводила итог (между прочим, и своего личного весомого вклада в дело морального и психофизиологического разложения общества) известная коммунистка Смидович в газете «Правда» (21 марта 1925 г.), — 1. Каждый, даже несовершеннолетний, комсомолец и каждый студент “рабфака” (рабочий факультет) имеет право и обязан удовлетворять свои сексуальные потребности. 2. Если мужчина вожделеет к юной девушке, будь она студенткой, работницей или даже девушкой школьного возраста, то девушка обязана подчиниться этому

вождедению, иначе ее сочтут буржуазной дочкой, недостойной называться истинной коммунисткой...» [2]. Остается сформулировать очевидное. Практика «сексуальной вседозволенности», этот «свальный грех» на почве идейной и даже политической доктринальности, не оставляет и близко места для романтической, т. е. настоящей любви. Это означает, что любовь запрещается. Именно этим эхом «Любовь запрещается!» отозвался примитивный сексуальный «эгалитаризм», который практиковался в студенческих коммунах США в 1960-е гг.

Так что романтическая любовь, в окружении наугад здесь перечисленных «препятствий и запретов», поневоле восходит на пьедестал человеческого восхищения. Юнна Мориц поэтически подытожила это не иначе как героическое присутствие влюбленных в мире «предложенных обстоятельств», которые так часто ополчаются на любовь молодых, известным вердиктом: «Нет слаще жизни, где любовь крамольна!»

2

Список этих «внешних препятствий» может быть продолжен, и он уже обсуждался в исследовательской литературе. Но при этом все-таки, как говорилось, ведущий тренд «истории любви» в современную эпоху по многим признакам несомненен. Он ориентирован на преодоление этих «внешних препятствий». В самом деле, «ЛЮБОВЬ ПОБЕДИЛА БРАК». И НЕ ТОЛЬКО БРАК. Да и в самом браке, когда нужда управляла любовью как суровая и полноценная хозяйка, народная мудрость инспирировала надежду — не фатальность и беспомощность, — а именно надежду: «стерпится — слюбится». Кто знает, тот знает, что любовь — это не только вакхическое дионисийство, «восторг и ликование», как неожиданно выразился старец (!) Зосима у Ф. Достоевского. Любовь — это еще и воля, выдержка и терпение, которые имеют смысл, когда есть обоснованная надежда на лучшее. Но вернемся к «препятствиям любви», которые возникают по «эту», «внутреннюю», сторону любви, — препятствия, идущие со стороны самого субъекта любви, — препятствия, устраиваемые и выбираемые чуть ли не добровольно самим человеком, оказавшимся на randevу с любовью.

«Не отрекаются, любя, ведь жизнь кончается не завтра», — выразилась поэтесса. — *Отрекаются. Еще как отрекаются.* На аукционе предложений идет своя игра. Дело не в том, что любовь перестала котироваться. Совсем наоборот. Ставки повышаются, но только на что? Оказывается — на «суррогаты любви». «Нелюбовь», «квазилюбовь»,

«прокси-любовь», путаница «любви» с «сексом» и прочие виртуальные «субституты» полноценной любви, застрявшей в банальной повседневности. Причем подмена эта происходит до такой степени «естественно» и «натурально», что обычный человек не замечает никакого самообмана.

Повседневность очень убедительна. «Суррогаты любви» не с чем сравнить. В «одномерной» ежедневности не просматривается оригинала — аутентичной любви. «“Жизнь” (в кавычках), — поиздевается в очередной раз Фр. Ницше, — очень даже правдоподобна». Поэтому похоже, что надо обладать заметной онтологической бдительностью, чтобы не стать жертвой вышеперечисленных «миксов», «qui pro quo» (по-латински) — «одно вместо другого».

3

Но прежде чем начать инвентаризацию *«внутренних препятствий»*, которые мешают любви реализовываться и удерживаться на своем «сущностном» уровне, вполне целесообразно остановиться на природе того предательства, когда человек начинает добровольно предпочитать подлинностям любви ее «заменители».

Можно для пользы дела, например, заметить, что подобное отступление — вещь не уникальная. Один римский император (положение обязывает!) общался с любимой женой не иначе, как прорепетировав на бумаге тему предстоящего разговора. Знаменитый лирик тех же времен Овидий Назон, начав с поэмы «Наука любви», закончил заботливыми поучениями в книге «Лекарство от любви».

Новое время подарило нам иллюстрацию падения «культы любви», процветавшего когда-то в экзальтированной атмосфере королевского двора династии Бурбонов. Н. Карамзин в «Письмах русского путешественника» свидетельствовал, что в куртуазной обстановке Версаля времен Людовика XV придворные дамы с незатейливой непосредственностью могли первыми и игриво признаться в любви кавалеру с помощью фразы: «Я бы хотела иметь от вас ребенка». Но этот «культ любви» пал под ударами буржуазной прагматики быстро наступивших «новых времен». Стендаль в своем известном сочинении «О любви» пишет: «Любовь была всемогуща во Франции при Людовике XV. [...] Прошло пятьдесят лет, двора уже нет. [...] Женщины больше не в моде; в наших столь блестящих салонах двадцатилетние молодые люди рисуются тем, что не разговаривают с ними. [Они] предпочитают говорить о лошадях и вести крупную игру в клубах, куда женщины не допускаются. [Вот]

точное описание [...] ужасающей перемены, повергшей нас в нынешнюю скуку и сделавшую для нас непонятным общество 1778 года в том виде, в каком оно раскрывается в письмах Дидро к м-ль Воллан, его возлюбленной, или в “Мемуарах” г-жи д’Эпине. [...] Кичливость заменила у нас французскую веселость» [3].

Приходится, как видим, констатировать, что если «Песнь торжествующей любви» (так называется один знаменитый рассказ И. Тургенева) и крепнет, то платить за это «торжество» приходится рядом поражений и отступлений. По-видимому, что-то есть в этом экзистенциальном состоянии, именуемом «состоянием любви-влюбленности», — есть что-то такое, что «чарует» субъекта и в то же время... пугает. Требует от человека усилий, расходов внутренних сил, отказа от привычного образа жизни, «трансенса» — перехода в «иное» состояние. При этом остается только удивляться этим «страхам» и «фобиям» перед любовью. Ведь любовь, по своей онтологии, по своему определению, есть то, что «всегда бесплатно», то, что «дается даром», «без борьбы». Знакомое выражение «бороться за свою любовь» — это какое-то вымученное выражение, «фигура речи», причем ложная. Результатом «борьбы за любовь» всегда будет нечто, что любовью не является. Поэтому еще раз: любовь на самом деле — это то, что бесплатно, как воздух. И при этом — это тоже факт и реальность — есть не только отдельные группы людей, которых не прельщает неопределенность, таинственная глубина, шокирующая дерзость и сам хаос любви.

4

Размеры этого явления могут достигать масштабов целого поколения. Примером могла бы служить уже упоминавшаяся ранее современная генерация «асексуалов». Здесь же, по-видимому, достаточно будет сказать, что асексуалы пасуют перед очень непростой жизненной ситуацией, рожденной многими факторами. Здесь и нехватка средств и времени для поддержания привычных для них стандартов «общества потребления», и облегченное понимание целей и смыслов жизни в окружении плотной техноинформационной среды и проч. Они ведут скорее эскапистский образ жизни вместо того, чтобы принимать и полноценно реагировать на «жизненные вызовы», перед которыми они так или иначе оказываются. К таким «вызовам», по их мнению, относится то, что замечательный немецкий социолог У. Бек называл «нормальный хаос любви» [4].

Дезертирство зумеров (те, кто родился после 2000 г. и кому сейчас (в 2026 г.) порядка 20–25 лет) перед любовью в определенной степени — это продолжение «вероотступничества» и в других сферах жизни. Это поколение не сильно честолюбиво в карьерном плане. Они скорее предпочитают фриланс кадровому продвижению по службе. Внешне это выглядит как «потребность» в профессиональной свободе и индивидуальном творчестве, но фактически оборачивается желанием «расслабиться» и «уйти от проблем». Эскапизм, о котором когда-то заговорили первые экзистенциалисты, имеет не только свои негативные коннотации. Эскапизм в определенной степени — способ выживания, когда выживание «становится не под силу». Эскапизм зумеров перед лицом «нормального хаоса любви» совсем не относится к суровой необходимости. Иначе говоря, поколение, о котором идет речь, начало с добровольного «фальстарта», и как раз на том поприще, которое для этой молодежи могло бы означать эмоционально-человеческую подлинность юного существа. — Вспомним гетевское «Gefühl ist alles». — Чувство — это все. И сравним это с феноменом обеднения любовного романтизма и отступничеством от него у наших «героев» и «героинь». Там же, где они позволяют себе это сближение «Я и Ты», там они, по собственному выражению, образуют не «дуют», «не союз», а «пару». И такие «пары», как можно наблюдать, не только не готовы ринуться на встречу с «прекрасным и яростным миром» (А. Платонов), но и по-настоящему-то и на «слияние двух галактик во вселенную одну». Вот и получается, что с любовью опять «мимо». В этом плане, как выразился в интервью один словоохотливый зумер за остальных представителей этой генерации: «Мне кажется, для зумеров не очень важно будущее мира, им важно на самом деле свое будущее. Чтобы им было хорошо. Они не мыслят коллективными параметрами. С другой стороны, если тебе хорошо, то, по идее, и другим хорошо» [5]. Образцы подобного самосознания едва ли нуждаются в отдельном социологическом комментарии. Единственной реакцией может быть формула «No comment». Если в теперешнее политкорректное время обращаются скорее именно к подобному формату оценки, то другие времена, похоже, не знали таких ограничений. Вспоминается А. Блок, который в поэме «Возмездие» — не про зумеров, конечно, но по поводу поколения, аналогично дистанцировавшегося от «серьезности жизни», — сказал гораздо резче и откровеннее, сказал в эпоху современного ему отечественного декадентства: «Да, этим в жизнь — до смерти рано» (А. Блок).

5

При этом, конечно, приходится иметь в виду, что как бы ни был убедителен нормальный «идеализм любви», как он сохраняется в системе представлений классической культуры, однако в реальности и на практике мы можем наблюдать и не менее удручающую утрату этой нормальности. Имеет место инверсия. Любовь в своем «действительном» осуществлении всегда направлена искренне и самопожертвенно на «другое» существо. При «инверсии» вектор любви меняет направление на противоположное, предметом любви становится сам субъект. Это случай «нарциссизма» со всеми разрушительными последствиями этого явления. «Жизненная траектория» поколения зумеров — типичный пример такого нарциссизма. Z-поколение, вооруженное философией и психологией самовлюбленности и самореализации своего произвольного и капризного эго, вступает сегодня в свои права на широком ландшафте молодежной культуры современности. Интересный и конкретный анализ этой ситуации можно найти в работе двух американских авторов Дж. Твенге и К. Кэмпбелла «Эпидемия нарциссизма: жизнь в эпоху избалованности» (2009). Об этом подробнее ниже.

6

Но прежде, чем продолжить этот ход мысли — одно соображение, которое не помешает нам сориентироваться в социальном «окружении», или, лучше сказать, «сопровождении» феномена любви. Здесь все не так уж и сложно. Аналитически запутаться можно только при сильном желании заблудиться. Здесь события, как всегда, складываются дихотомично: либо независимо от воли субъекта любви, либо вполне по воле этого субъекта. Иначе говоря, первый случай — это когда просто «не до любви»: все усилия поглощены «борьбой за существование»; второй случай — когда вроде бы наступает время не борьбы за это существование, а собственно «существование», но потенциальный субъект любви выбирает «нелюбовь», выбирает «асексуальность». Печальная ирония, таким образом, состоит в том, что за периодом невозможности строить человеческие отношения (брак, например) на романтизме любви по причине, повторим, «не до любви», но вот странное дело — может начаться и даже через какое-то время начинается эпоха равнодушия к этому «вечному зову» чувств. Подобный вариант событий и приходится называть «препятствием» на дороге к нормальному счастью любви.

7

На свой «профессиональный» лад на обсуждаемую здесь тему заговорили с энтузиазмом и наблюдательные социологи. В российской газете «Известия» за 9 января 2025 г. размещен материал об «асексуальном» тренде в родном отечестве. Общий и удручающий вывод особенно не удивляет: «Современные молодые люди замкнуты в себе и склонны к эскапизму» [6]. Интереснее становится, когда эксперты обратили внимание, что «эскапизм происходит и в романтической сфере». Что это: блажь продвинутого человечества в лице «гостей из будущего» (назовем так поколение «зумеров»)? Все до обидного проще. Вот вердикт социологов, опубликованный в «Известиях»: современная молодежь — «цифровой» субъект. К этому определению мы еще будем неоднократно возвращаться, а пока немного симптоматичной феноменологии (конкретики) из жизни аксесуалов.

Диагноз здесь состоит в том, что если любовь в своей полноте означает не только быть прекрасной и долгожданной жертвой «чувств», но и пройти невыдуманную школу «воспитания чувств» (*éducation sentimentale*), — то асексуальность зумеров — это практика деградации любви. Это то препятствие на пути к романтизму в любви, о котором заговорила в последнее время группа серьезных авторов, таких как Э. Гидденс, С. Кунц и др., приводя ряд весомых аргументов и наблюдений.

Как тогда относиться к выводам того коллектива социологов, которые опубликовали свои оценки и прогнозы теперешнего асексуального феномена? О них надо тоже сказать, ибо они противоречат сами себе. Сначала асексуальность этой «цифровой генерации» характеризуется в критических и негативных терминах (эскапизм, предпочтение не заморачиваться в поисках своего «другого я» и проч.), а затем авторы сбиваются на знакомый и облегченный вывод в духе софистики, релятивизма и «спасительного» постмодернизма. Речь идет якобы о том суждении, что любовная романтика у зумеров все-таки «безусловно существует». Но вы-де ничего не поняли: это просто «ДРУГАЯ» романтика.

8

В связи с вышеприведенным типом аргументации мы сразу имеем право сказать: «Déjà vu!» К этому приему прибегают релятивисты всех времен и народов. Любопытный феномен (в том числе и чаще всего),

к подлинной действительности не имеющий никакого отношения, они (релятивисты) спасают от критики указанным приемом: это-де тоже подлинность, но только «другая». Поневоле хочется спросить, какое количество (множество) «других» реальностей может удовлетворить ненасытный аппетит «релятивистов». Старик Гегель как в воду глядел, предвидя эту софистику. Поэтому-то он и развел эти два выражения: (всякая) *реальность* (в том числе и вымышленная) и (подлинная) *действительность*. Остается только добавить, что первая (реальность) к «природе той или иной вещи» не имеет прямого отношения, разве что представляет собой конвенциональный способ посмотреть на «вещь» по кантианскому принципу «как если», т. е. как бы она выглядела в качестве «другой». И эта конвенциональность, разумеется, относится к субъективной стороне дела. В то время как вторая — (подлинная) действительность — характеризует именно «природу вещи», и как раз делает это именно с объективной стороны.

Итак, если вы считаете, например, — и справедливо, — что «цивилизация» — это то, что действительно обладает «цивилизационными», гуманистическими и подобными характеристиками, то релятивисты и постмодернисты вам объяснят, что «цивилизаций много» и «все цивилизации как таковые равноправны», включая и те, в которых практиковались, скажем, человеческие жертвоприношения (к примеру, Карфаген и «цивилизация ацтеков»). Так и «любостей» огромное множество: а ту «любость», которую наш естественный язык скорее назвал бы «отклонением» и «патологией» любви, следует якобы рассматривать как «другой» тип любви. И таким приемом производится признание (легализация) «ненормального» как «нормального». Впрочем, не будем больше отвлекаться на релятивистов всех времен и народов. Есть что сказать и с нерелятивистской точки зрения.

9

В теоретических обоснованиях (а)сексуальных практик зумеровского поколения дело, надо признать, не доходит до того, чтобы прибегать к «спасительному» принципу «неприкосновенности границ “другого”». В зумеровском мире «другой» как сексуальный партнер тихо и недраматично исчезает. Его место занимает «технический», «искусственный», «виртуальный», «цифровой» элемент, «гаджетный» субъект. Эта подтасовка «естественного» на «искусственное» происходит тем более легко, что в продвинутых социологических «теоремах» уже давно задает тон футурология, где «ЧЕЛОВЕК» поменян — правильно! — на

«ПОСТЧЕЛОВЕКОВ и «ТРАНСГУМАНОИДОВ» (как уж сегодня без этих «пост...» и «транс...»?!). Скромные и нескромные успехи на поприще биотехнологии, фармакологии, нейрохирургии, искусственного интеллекта и проч. настолько дезориентировали «антроподизайнеров», что единственным и неотвратимым вариантом человеческой эволюции сегодня им представляется нечто подобное киборгу [7–8].

И что имеем как результат?

В таком стерильном и биотехнизированном мире «сексуальность в ее нынешнем виде становится архаичной и излишней» [6]. «Любовь» между постчеловеками — это, как сказали бы математики, «псевдопроблема». Остается прогнозировать, какой будет сексуальная практика у той части человечества, которая не идентифицирует себя как «киборгов», но остается в среде их обитания. Разброс мнений «экспертов» по данному сюжету довольно значителен. Но доминирует точка зрения, что нынешнее человечество не растеряется. Складывается уверенность, что «оргазм не будет прежним», как выразился один автор [9].

10

И то правда, чего предаваться унынию и страданию, когда можно даже совсем не по-буддистски, а чисто «цифровым» и компьютерным» способом стать «и сразу, и счастливым» — минуть и экономия на нем, на «счастье быть» (А. Галич).

Специалисты, сидящие на теме «электронный секс», могут рассказать с интригующими подробностями, как это происходит уже сегодня и какое «техносладоострастие» нас ожидает завтра. За неимением практики публично обсуждать эту пикантную тему предоставлю слово эксперту. В статье [9] автор перечисляет многочисленный репертуар возможностей «цифровой технологии на службе сексуальных отношений». — Теледильдоника: секс на расстоянии при помощи гаджетов. Оба получают искомое удовольствие совершенно безопасно (безопасность и экономия «превыше всего!»), не касаясь друг друга. — VR-очки: они позволяют усилить возбуждение через как бы участие в эротическом фильме. — Секс-роботы: здесь вообще острота тактильных ощущений стирает границу между «естественным» и «искусственным» интимом. И это еще не все. «Электронный секс» ограничен только возможностями «soft- и hard-цифры». А этот потенциал не имеет границ.

Такова «реальность» гаджет-девайсного секса, такова его фактура (от слова «факт»). А «факт», торопятся сказать «реалисты», — вещь упрямая. Но для понимания и оценки ситуации — это не всегда аргумент

большой убедительности. Многие факты, выражаясь простодушно, не имеют права на существование. Речь идет прежде всего о криминалитете. Но есть «факты» не столь «отрицательно»-очевидные и потому требующие более фундаментального (онтологического) понимания и такой же оценки. Похоже, что массовое распространение и увлечение «электронным интимом» предполагает «проверку» подобным онтологическим дискурсом.

Обычно в этом плане сталкиваются между собой две значимые точки зрения. Одна исходит из того, что ни «государство», «ни общество» не должны «совать свой любопытный нос» в практики добровольного интима, в том числе сопровождающиеся продукцией секс-индустрии. И точка! Другая позиция — более чем архаическая — сродни библейскому осуждению всего «неестественного» на этом поприще. По существу, это две несовпадающие точки зрения на одно и то же — на приемлемость и пределы допустимости «искусственных вещей» в делах человеческих. И при этом надо сказать, что это — старая история, которая умещается в насущный и более принципиальный вопрос: как далеко может завести общество субституция «естественного» на «искусственное». В самом общем виде эта проблема присутствует, например, в феномене ИИ. Сформулируем ее в пределах возможной корректности.

Вооружаясь «искусственными» средствами, инструментами, «вещами», человек не только становится могущественнее, но одновременно утрачивает нечто в своей собственной суверенности и исходной субъектности. Человек «потерян» и «заменен» «миром искусственных предметов / средств». Это точь-в-точь о том, о чем говорил старик Гегель в своем знаменитом рассуждении о диалектике «господина и слуги». «Господин» самопотерялся в том смысле, что потерял человеческие качества, когда между собой и миром, между собой и «другим» поставил «слугу» (читай: «средства»). То, что раньше было на полюсе «человека-господина» (счастье непосредственного контакта с миром, наполнение себя «смыслом» и «содержанием» через этот контакт и проч.), — все это ушло на полюс «слуги», которому «господин» отдал свою автономность, оставив себе то, что в нашем контексте может быть названо «нарциссизмом».

И похоже, что так: когда сексуальная любовь опосредована электронным инструментарием — последствия могут выглядеть печально аналогичными. Беспечный и не ожидающий подвоха субъект любви может быть вытеснен анонимным торжеством технических девайсов. Нет, конечно, сенситивность и пароксизмы сексуальных ощущений остаются привилегией субъекта, но это «состояние» нуждается в другом названии. Здесь уместнее говорить действительно о *нарциссизме*.

Сегодня это явление коснулось не только сферы любви, которая подверглась упомянутой выше инверсии: от любви к «другому» к любви к «самому себе». Но прежде чем коснуться феномена нарциссизма, в который вырождается «техносекс», обратим внимание на один существенный момент, опять же характеризующий симбиоз «человек-машина».

11

Есть только один «позитивный» смысл в «постчеловеческом» и «трансгуманном». Уточнимся, чтобы быть правильно понятым. Когда вы берете человека, как он есть в реальности (в подавляющем большинстве его слабостей и самопотворств), вы его заведомо умаляете. Среди многих мыслителей об этом догадывался и Фр. Ницше. Поэтому он и выступал с программой «Übermensch» (не путать с плагиатом «сверхчеловека в Третьем рейхе»). Чтобы оставаться «человеком» в классическом и вечном смысле этого выражения, надо поневоле быть не только «имманентным» (сродни) повседневной «среде обитания», но и романтически и героически «трансцендентным», т. е. быть «сверх-обычного», «сверх-повседневного» состояния.

12

Интересно отметить, что расколдованной сексуальной доминанте, наблюдаемой в современном мире, соответствует и «новое видение» упомянутого симбиоза «человек-машина». В самом деле, с одной стороны, «другой» как привычный сексуальный партнер тихо и недраматично исчезает. Его место занимает «технический», «искусственный», «виртуальный», «цифровой» элемент, «гаджетный субъект».

По мнению ряда социологов, которым не откажешь в наблюдательности, нарциссизм уже не первое десятилетие стал чуть ли повседневной судьбой современного общества. В лидерах — американский образ жизни. Упомянутое выше сочинение Дж. Твенге и К. Кэмпбелла «Эпидемия нарциссизма» живописует панорамную картину этого социального недуга на американском континенте: «Сегодня никто больше не удивляется тому, что взрослые выглядят и ведут себя как психологически незрелые подростки: избегают ответственности; не читают книг и не умеют грамотно писать; смотрят реалити-шоу; делают селфи при каждом удобном случае, расстаются через несколько месяцев после брака; ходят на вечеринки вместо того, чтобы присматривать за детьми; и регулярно покупают вещи, которые им не по карману. Однако так было не всегда. Если сравнить с тем,

что было еще несколько десятилетий назад, то масштаб перемены становится очевиден. Что же произошло за эти годы в культуре, экономике, воспитании детей, масс-медиа и технологиях? Что обусловило настолько сильный акцент на собственном Я и как противостоять этому тренду?» [10]. Здесь важнее всего подчеркнуть даже не столько перечень наблюдений, так похожих на диагноз «тотального нарциссизма», сколько авторский возглас: «Как противостоять этому тренду?» Для социологии, уже давно привыкшей к нейтралитету и безоценочной фиксации «фактов», это что-то новенькое. И одновременно достойное отрадного внимания. Гегель не случайно говорил, что «идея не настолько бессильна, чтобы породить только идею» в том смысле, что «идея есть не только познание, которое лишь отражает действительность, но и такое познание, которое дает действительности определение». Давать вещам определение, как известно еще из аристотелевской логики, значит говорить, как вещь выглядит и *должна* выглядеть в полном соответствии со своей природой. Нарциссизм в любви не соответствует природе и истине любви. И поэтому социология любви так и должна ставить вопрос, как это сделали вышеприведенные американские авторы: «Как противостоять этому тренду [любви, изуродованной нарциссизмом]?»

Социальная мысль (социологическая не в меньшей степени) — это не столько область эпистемологии, но прежде всего область онтологии с ее главной критической заботой напоминать, а значит, возвращать феноменам (в нашем случае феномену любви) образ «нормы» и «подлинности». Похоже, что сегодня социальная мысль готова вдохновляться возвращением к своим непозитивистским дебютам в лице таких известных теоретиков и критиков, как М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Ч. Р. Миллс, Э. Этциони, А. Гоулднер, П. Бурдьё, его ученик Л. Болтански и др.

Сегодняшняя теоретико-социологическая заминка перед лицом «культы» солипсизма, индивидуалистичности, нарциссизма, гедонизма и проч. говорит, возможно, не только о состоянии самого социологического сообщества. Речь идет скорее о масштабе и укорененности этого культа, в том числе среди в молодежной зумер-аудитории. Ситуация с нарциссизмом, говорят Дж. Твенге и К. Кэмпбелл, близка к «пандемии». Неужели феномен любви, который, как известно, «победил брак» и преодолевает не только это «препятствие», не выдержит испытания перед «новыми веяниями»? Неужели подлинность любви не выдержит конкуренции с мнимостями и суррогатами настоящей любви? Что дает надежду на то, что человеческая история распорядится не так скудоумно, а гораздо роскошнее? И как это происходит?

13

Чем мрачнее ночь, тем ярче звезды! Почти как у Г. Гейне: тем ярче сияют звезды, которые суть не что иное, как лучшие человеческие мысли. И вообще в стихотворении «Звезды и люди» немецкий поэт пишет, что звезды поэтому заинтересованно наблюдают за земной любовью.

Социологу, однако, приходится выражаться в более конструктивных терминах. Если в «love story» мы зашли не туда, то с этим надо что-то делать. Тем более что «так было не всегда». «Главными ценностями Америки, — пишут авторы книги «Эпидемия нарциссизма», — с самого начала были свобода и равенство. Как же самолюбование постепенно заняло центральное место в ценностях нашей культуры?» [10]. Авторы не только профессионально описывают «этиологию» и «патогенез» этого «культурного заболевания», но и проявляют завидную социологическую настойчивость и волю в части «рецептурной-терапевтической». Значимо и парадигмально у авторов выделен тот факт, что «великое поколение, которое воспитывалось во время Великой депрессии и сражалось во Второй мировой войне, было последним ненарциссическим поколением в истории Америки» [10]. С этого или подобного ему момента начинается ряд эвристически важных для нашей темы выводов или, лучше сказать, рассуждений.

14

В практической жизни нарцисс часто и не слабо расплавляется за свой биографический выбор. В любви же этот выбор в пользу себялюбия не кажется ему столь драматичным. В нем он скорее находит массу «эготических» удобств и приятностей. В каком-то смысле это состояние может продолжаться длиною в жизнь. Счастье любви к «другому» его не искушает. Он погружен в необратимость своего состояния. В международной терапевтической практике это часто классифицируется как «нарциссическое расстройство личности (НРЛ)». Такой персонаж проживает не «свою» жизнь, а ту, которая характеризуется нарративом избалованности. «Романтическая любовь» строится на других онтологических основах.

15

Означает ли это, что в обществе «массового нарциссизма» романтическая любовь находится в зоне критических испытаний? И тогда что? Когда-то еще простительное французское определение любви как

«эгоизм вдвоем» скатилось до неприхотливой «любовной» практики «эгоизма поодиночке»? Если так, то не будет ли это поспешным поклепом на стойкость и сопротивляемость человеческой цивилизации, в которой «романтическая любовь» совсем не случайный феномен (эпифеномен), а нечто гораздо фундаментальнее, ее (цивилизации) цель, «telos», как сказал бы Аристотель.

Фермент надежды, которые нам дарит человеческая любовь, лежит, конечно, в ее онтологическом базисе. О ее самоценности, т. е. бескорыстности, простоте, наивности, о том, что она «ничего не стоит», она всегда «даром» и поэтому «не продается» и т. д. уже говорилось многими и неоднократно. Но подлинность и прочность любви имеет и другое измерение и опору. Об этой стороне медали пишут меньше и неопределеннее. Среда обитания, в которой доминирует феномен нарциссизма, — это «жизнь в эпоху избалованности» [10] тем, жизнь всегда и по определению «штука серьезная». Отсюда и бесконечная тема страдания не как акциденция, а как самый настоящий атрибут любви.

Страдание хрестоматийно определяется как состояние боли, болезни, горя, печали, страха, тоски и тревоги». В то же время — об этом и речь, — как свидетельствуют все толковые словари, «это форма активного напряжения физических и духовно-нравственных сил человека». Конечно, страдания не цель, но... так и напрашивается слово «неизбежность», — та неизбежность, которая сопровождает всякое ДОСТИЖЕНИЕ в ценностном смысле этого слова. Вот почему «благословенны трудности ... ибо ими растем». Вот почему восторг любви свободного субъекта не депотищен по отношению к «другому», а подлинен, и именно только тогда, когда этот восторг рифмуется и приобретает с модусом «быть объектом», «быть страдающим». Вот почему справляться с рисками и страданиями от неразделенной любви, одиночества и неустроенности в общительности с другой(им), решать таким вот облегченным способом, как «секс-туризм» в страну техносекса, значит «недотягивать» до сущности человека. Или, выражаясь онтологически, — до «дефиниции» человека. Такое бывает. И даже часто. Экзистенциальная грусть и ностальгия, однако, состоит при этом в том, что, как метко выразился М. Хоркхаймер: «Сам человек по своей природе и возможностям до сих пор лучше, чем он есть на самом деле» [11].

Источники

1. *Горбатов В.* Мишель Фуко. История сексуальности: от заботы о себе до политического надзора [Электронный ресурс] // Level One. — URL: <https://levelvan.ru/pcontent/fuko-6/sexuality> (дата обращения: 24.12.2025).

2. Блоггеры обсуждают «Половой вопрос» в СССР [Электронный ресурс] // ИА «Амител». — 28.09.2012. — URL: <https://www.amic.ru/news/bloggery-obsuzhdayut-polovoy-vopros-v-sssr-194235> (дата обращения: 21.12.2025).
3. *Стендаль*. О любви. — М.: Правда, 1989. — 528 с.
4. *Бек У.* Любовь как светская религия [Электронный ресурс] // Парантеза. — 13.02.2021. — Обновлено: 29.10.2022. — URL: <https://www.paranteza.info/post/beck-love-as-secular-religion> (дата обращения: 08.01.2026).
5. *Погребняк М.* Их не волнует секс, они не любят деньги. Кто такие зумеры на самом деле? [Электронный ресурс] // Нация. — 10.03.2020. — URL: <https://nationmagazine.ru/people/ikh-ne-volnuet-seks-oni-ne-lyubyat-dengi-kto-takie-zumery-na-samom-dele/> (дата обращения: 08.01.2026).
6. А девушки потом: почему зумеры не интересуются личной жизнью? [Электронный ресурс] // Известия. — 09.01.2025. — URL: <https://lady.mail.ru/article/555891-a-devushki-potom-pochemu-pochemu-zumeryi-ne-interesuyutsya-lichnoj-zhiznyu/> (дата обращения: 09.01.2026).
7. *Беляев Д. А.* Постчеловек как тип сверхчеловека техногенной культуры XXI в. // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 8. — С. 23–24. — EDN ОУКОНР.
8. *Haraway D.* Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. — New York: Routledge, 1991. — 312 p.
9. *Скайнская Д.* Оргазм уже не будет прежним! Секс-робот станет повседневным гаджетом? VR-очки и ИИ заменят любовь? Отвечает эксперт [Электронный ресурс] // Sobaka.ru. — 01.06.2023. — URL: <https://www.sobaka.ru/health/sex/167301> (дата обращения: 12.01.2026).
10. *Twenge J. M., Campbell W. K.* The narcissism epidemic: Living in the age of entitlement. Free Press, 2010. — 343 p.
11. *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. — М.: Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2011. — 224 с..

Сведения об авторе

Щёлкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
evgora.ru@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 24.01.2026;
принята к публикации: 26.01.2026.

ALEXANDER G. SHCHELKIN

*Sociological Institute of FCTAS RAS,
St. Petersburg, Russian Federation*

LOVE AND THE OBSTACLES TO IT: THE AUTHENTICITY AND ILLUSIONS OF HUMAN INTIMACY

Abstract. Obstacles preventing human love from being realized can be external or internal. In the former case, these are social, political, economic, religious, and even ideological. The latter occurs when people voluntarily renounce the practice of love. A prime example is the “asexuals” of the “zoomer” generation. This flight from romantic love is accompanied by a selfish indifference to the public sphere. A preoccupation with the self reaches the proportions of a “narcissism epidemic.” In this atmosphere, love degenerates into sexual unpretentiousness and pampering: the use of sex robots has increased unprecedentedly. This article analyzes the existential price people pay for the loss of their “spontaneity” and “subjectivity” in the realm of “electronic intimacy.” At the same time, the author draws attention to the growing concern and alarm among sociologists regarding the symptoms of the loss of the “cult of love”, the growth of the psychology of narcissism and the policy of an antidote to this trend.

Keywords: love, romantic love, asexuals, narcissism, e-sex

For citation: Shchelkin A. G. Love and the Obstacles to It: The Authenticity and Illusions of Human Intimacy. St. Petersburg Sociology Today. 2026. Vol. 18, No. 1. P. 96–114. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-1.5nr6-ch35; EDN: YBYBDQ

References

1. Gorbатов V. Michel Foucault. The History of Sexuality: From Care of the Self to Political Surveillance [Electronic Resource]. *Level One*. URL: <https://levelvan.ru/pcontent/fuko-6/sexuality> (access date: 24.12.2025).
2. Bloggers Discuss the “Sex Question” in the USSR [Electronic Resource]. *Amic News Agency (“Amitel”)*. 28 Sep 2012. URL: <https://www.amic.ru/news/bloggery-obsuzhdayut-polovoy-vopros-v-sssr-194235> (access date: 21.12.2025).
3. Stendhal. *De l’amour*. Transl. from French. Moscow, Pravda, 1989, 528 p.
4. Beck U. Love as a Secular Religion [Electronic Resource]. *Paranteza*. 13 Feb 2021 (updated: 29.10.2022). URL: <https://www.paranteza.info/post/beck-love-as-secular-religion> (access date: 08.01.2026).
5. Pogrebnyak M. Sex Doesn’t Interest Them, and They Don’t Love Money. Who Are Zoomers Really? [Electronic Resource]. *Natsiya Magazine*. 10 Mar 2020. URL: <https://nationmagazine.ru/people/ikh-ne-volnuet-seks-oni-ne-lyubyat-dengi-kto-takie-zumery-na-samom-dele/> (access date: 08.01.2026).

6. And Then Girls Ask: Why Aren't Zoomers Interested in a Personal Life? [Electronic Resource]. *Izvestia*. 09 Jan 2025. URL: <https://lady.mail.ru/article/555891-a-devushki-potom-pochemu-zumeryi-ne-interesuyutsya-lichnoj-zhiznyu/> (access date: 09.01.2026).

7. Belyaev D. A. The Posthuman as a Type of Superman of 21st-Century Technogenic Culture. *Theory and Practice of Social Development*. 2011, no. 8, pp. 23–24. EDN: OYKOHF.

8. Haraway D. *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*. New York, Routledge, 1991, 312 p.

9. Skayanskaya D. “An Orgasm Will Never Be the Same Again!” Will a Sex Robot Become an Everyday Gadget? Will VR Glasses and AI Replace Love? An Expert Answers [Electronic Resource]. *Sobaka.ru*. 01 Jun 2023. URL: <https://www.sobaka.ru/health/sex/167301> (access date: 12.01.2026).

10. Twenge J. M., Campbell W. K. *The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement*. New York, Free Press, 2010, 343 p.

11. Horkheimer M. *The Eclipse of Reason: Toward a Critique of Instrumental Reason*. Moscow, Canon Plus Publishing, 2011, 224 p.

Information about the author

Shchelkin Alexander G., Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. evropa.ru@gmail.com

Received: 20.01.2026;

revised after review: 24.01.2026;

accepted for publication: 26.01.2026.